

ФИЛОСОФИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 1:37
ББК 74в

Н. В. Медведев

Л. ВИТГЕНШТЕЙН, ПОСТМОДЕРНИЗМ И ОБРАЗОВАНИЕ

Статья посвящена интерпретации позднего Л. Витгенштейна в терминах «постмодернизма» и осмыслению ее значения для «постаналитической» философии образования. Представленная в статье трактовка нацелена на разрушение сложившегося в научной литературе стереотипа о Витгенштейне как «образчике» аналитической традиции. В исследовании реконструируется взгляд позднего Витгенштейна на природу языка и назначение философии в качестве исходной основы для выявления континентальных истоков его философского мышления. Разбирается альтернативное «прочтение» философии Витгенштейна, представленное в работах Р. Рорти, Ж.-Ф. Лиотара, М. Питерса. Рассмотрены основные тенденции развития «постаналитической» философии образования. В заключение делается вывод о том, что «постмодернистская» версия истолкования трудов позднего Витгенштейна с применением культурно-исторического подхода углубляет и расширяет наше понимание его философии, создает предпосылку для формирования новых стратегий исследования в области образования.

Ключевые слова: Л. Витгенштейн, языковые игры, постмодернизм, философия, образование.

N. V. Medvedev

L. WITTGENSTEIN, POST-MODERNISM AND EDUCATION

The article is devoted to the interpretation of the late L. Wittgenstein in terms of "post-modernism" and the understanding of its significance for the "post-analytical" philosophy of education. The interpretation presented in the article is aimed at destroying the stereotype that has developed in the scientific literature about Wittgenstein as an "sample" of the analytical tradition. The study reconstructs the late Wittgenstein's view of the nature of language and the purpose of philosophy as the initial basis for identifying the continental origins of his philosophical thinking. An alternative "reading" of Wittgenstein's philosophy, presented in the works of R. Rorty, J.-F. Lyotard, M. Peters. The main trends in the development of the "post-analytical" philosophy of education are considered. In conclusion, it is asserted that the "post-modern" version of the interpretation of the works of the late Wittgenstein using a cultural-historical approach deepens and expands our understanding of his philosophy, creates a precondition for the formation of new research strategies in the field of education based on Wittgenstein's ideas.

Key words: L. Wittgenstein, language games, postmodernism, philosophy, education.

© Медведев Н. В., 2020

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00254.

DOI: 10.46724/NOOS.2020.3.04-13

Ссылка для цитирования: Медведев Н. В. Л. Витгенштейн, постмодернизм и образование // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 3. С. 4—13.

Citation Link: Medvedev, N. V. (2020) L. Wittgenstein, postmodernism i obrazovaniye [Wittgenstein, post-modernism and education], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 3, pp. 4—13.

Актуальность исследуемой темы связана с тем, что философское наследие Л. Витгенштейна продолжает находиться в фокусе внимания интеллектуального сообщества, включается не только в историко-философский, но и социально-педагогический и этико-политический контексты. Цель исследования — предложить интерпретацию работ позднего Л. Витгенштейна в терминах философии «постмодернизма» и осмыслить значение данной интерпретации для «постаналитического» этапа развития философии образования. Представленная в статье трактовка направлена на разрушение сложившегося в научной литературе стереотипа о Витгенштейне как «образчике» аналитической традиции. Вместе с тем эта интерпретация выступает предпосылкой для рецепции витгенштейновских идей в русле континентальной философии и постмодернизма. Данная точка зрения получила развитие в трудах Г. Х. фон Вригта, У. Дж. ДиАнгелиса, Ж.-Ф. Лиотара, М. Питерса, Р. Рорти и др.

В первом разделе исследования анализируется взгляд позднего Витгенштейна на природу языка и назначение философии в качестве предварительной основы, помогающей выявить континентальные корни его мышления, а также резонирующие с философией постмодернизма мотивы и установки. Во втором разделе разбирается альтернативное «прочтение» философии Витгенштейна, представленное в работах Р. Рорти, Ж.-Ф. Лиотара, М. Питерса. В заключительном разделе обозначены основные тенденции развития современной («постаналитической») философии образования как ответ на «вызов» Витгенштейна.

Витгенштейн о природе языка и назначении философии

Витгенштейн в своих «Философских исследованиях» (1953) отказывается от эссенциалистской трактовки языка, которой он придерживался в «Логико-философском трактате» (1921). Вместо этого он предлагает расширенное понимание лингвистического феномена, в соответствии с которым значение слова трактуется как способ его употребления в «языковой игре» [5, с. 30, 43]. Сопоставление с понятием «игры» позволяет Витгенштейну заострить внимание на разнообразных случаях применения языковых инструментов. Разбирая характерные способы употребления слова «игра», он говорит о том, что «...мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся на и перекрывающих друг друга; иногда имеется полное сходство, а иногда — лишь в деталях» [там же, с. 59]. Затем он добавляет к сказанному следующее: «Я не могу придумать лучшего выражения, чтобы охарактеризовать эти подобия, чем "семейное сходство"... — И я скажу: "игры" образуют семью» [там же, с. 60].

Неверные представления о природе языка возникают, согласно Витгенштейну, по причине «нашего непреодолимого стремления к обобщению» [1, с. 33]. Единообразная внешняя форма слов порождает иллюзорное предположение

об их схожем потреблении; как правило, люди убеждены в том, что возможно дать точное или строгое определение слова. Витгенштейн отмечает: «Если что обуславливает большинство неприятностей в философии, так это то, что мы стремимся описывать употребление важных слов ("дополнительной работы"), как если бы они были словами, имеющими регулярные функции» [1, с. 77].

Австрийский философ убежден в том, что при анализе значения слова нужно не предполагать или думать, а внимательно присматриваться к тому, как употребляется слово в разнообразных контекстах [5, с. 59], при этом он выявляет и демонстрирует многообразие языковых игр [там же, с. 30]. Все это означает, что «грамматические» исследования Витгенштейна направлены не на обнаружение сущности языка, предложения, мышления, а на устранение концептуальных замешательств, связанных с употреблением слов [там же, с. 75]. Он пишет: «Картина берет нас в плен ..., потому что она заключена в нашем языке» [там же, с. 82], и у нас отсутствует «ясное представление об употреблении слов» [там же, с. 84]. Смысл философии определяется им как «битва против зачарования рассудка посредством языка» [там же, с. 81], поэтому так важно для философа уделять внимание способам оперирования словами и предложениями в нашей повседневной жизни; философская работа — это «собираение упоминаний ради конкретной цели» [там же, с. 85].

Витгенштейн в поздний период творчества отказывается от поисков фундамента языка (и познания) и от ключевой задачи лингвистически ориентированной философии — устанавливать критерии, определяющие необходимые условия для функционирования основных представлений (концепций, понятий, идей) и верований людей. Несмотря на то что он по-прежнему стремится отделить философию от науки, за ней не признается статус основополагающей дисциплины или «науки наук». Позиция семантического холизма Витгенштейна выражается в его утверждении: «Понимать предложение — значит понимать язык. Понимать язык — значит владеть некой техникой» [там же, с. 162]. Это означает, что предложение не обладает смыслом, если рассматривается изолированно, в отрыве от других предложений. Понимание конкретного предложения всегда осуществляется в контексте целого, т. е. в его связи с другими предложениями. Лингвистический холизм Витгенштейна обретает свой законченный вид с введением им понятия «формы жизни», которое означает действие в языке [9, с. 201]. Он называет «языковой игрой целое, включающее язык и действия, с которыми он переплетен» [5, с. 21]. В поздней работе «О достоверности» (1969) Витгенштейн разъясняет эпистемологические последствия своей холистской теории значения, заявляя, что наши верования [4, с. 341] и сомнения [там же, с. 339] образуют некую систему, но отдельные предложения выступают, как «ось» [там же, с. 342], «остов» [там же, с. 348] или «петли» [там же, с. 362], на которых держатся все наши рассуждения и действия. Это есть «гнездо предложений», которое люди твердо признают [там же, с. 349]: «Всякое испытание, всякое подтверждение и опровержение некоего предположения происходит уже внутри некоторой системы. ... Эта система не столько отправной пункт, сколько жизненная стихия доказательств» [там же, с. 336]. Данное утверждение Витгенштейн повторяет не один раз в разных формах [там же, с. 344, 352—353]. Эпистемологический итог холистской концепции значения обозначен в «Философских исследованиях», где говорится об оправдании как о цепочке оснований, имеющей конец [там же, с. 165, 205—206].

Утверждение Витгенштейна о необходимости освобождения грамматики языка от границ логики было воспринято отдельными комментаторами (Д. Пирс) как переход мыслителя на позицию радикального антропоцентризма. Поздний Витгенштейн отвергает существование трансцендентальной основы, обеспечивающей способы рассуждения, мышления и действия людей. Он говорит о некоторой совокупности предложений («гнездо предложений»), которая беспрекословно принимается людьми той или иной культуры. Такие предложения формируются в ходе практической деятельности сообщества людей, обретая со временем статус мировоззренческих оснований.

Витгенштейн не дает последовательного объяснения того, каков механизм обретения знания субъектом. Мысль об окончательном оправдании знания предполагает наличие основания или «данного». Понятие основания открыто вводится философом в работе «О достоверности»: «Нечто должно быть преподавано нам как основа» [4, с. 376]. Однако эта основа есть не набор необоснованных утверждений, а «необоснованный образ действий» [там же, с. 337]. Витгенштейн подчеркивает, что люди просто занимаются определенными вещами, действуют тем или иным способом. «Наша речь обретает смысл через остальные поступки» [там же, с. 349], форма жизни людей образует онтологическую предпосылку для употребления языка как части взаимосвязанного целого. Форма жизни выступает в итоге как данность, составляя основу целостной системы.

Если в «Логико-философском трактате» Витгенштейн проясняет условия для достижения прозрачной логики языка, то в своих поздних работах он уделяет особое внимание вопросу освобождения «грамматики» от границ логики. Антифундаменталистская направленность философии позднего Витгенштейна, применяемый им контекстуальный подход к определению значения языковых выражений оказали заметное влияние как на философов-постпозитивистов — Т. Куна, С. Тулмина, П. Фейерабенда, М. Хессе, Р. Рорти, осуществивших «исторический» поворот в философии науки, так и на социологию знания (Д. Блур). Результатом этого влияния можно считать появление особого направления в философии науки, представители которого перешли от построения единой, универсальной, формальной модели рациональности к неформальным, историческим и социологическим моделям, очень похожим на те виды «рациональности», которые используются людьми в их жизненно-практической деятельности при конструировании социальной реальности. В целом данное направление можно рассматривать как реакцию философов науки против «позитивистской» интерпретации научного знания, признаваемого в качестве образца рациональности [15, р. 192].

В «Философских исследованиях» Витгенштейн решительно нападает на картезианскую точку зрения, которая признает философию основополагающей наукой, или метанаукой, обеспечивающей фундамент для наук первого порядка. Он прилагает огромные усилия для того, чтобы избавиться от этой, «берущей нас в плен» картины. Философия, утверждает он, — это не то, чем мы должны заниматься, прежде чем сделать что-либо. Философия — это не метадеятельность и не дисциплина, которая должна изучать науку в целом, чтобы оправдать ее основания. В одном месте «Философских исследований» Витгенштейн отмечает: «Можно было бы подумать: если философия говорит об употреблении слова «философия», то должна быть философия второго порядка» [5, с. 84]. В другом месте он прямо заявляет: «Философия логики трактует о предложениях и словах

в точно таком же смысле, в каком мы говорим о них в обычной жизни, когда произносим» [там же, с. 80]. Эти заметки в контексте всего содержания «Философских исследований» показывают, что Витгенштейн, среди прочего, стремился опровергнуть модернистский взгляд на философию как на метадеятельность (или «метарассказ»), которая проясняет и обеспечивает понимание оснований знания.

«Постмодернистская» рецепция Витгенштейна

Авторы А. Яник и С. Тулмин в своем фундаментальном труде [14] выявили венские корни мышления Витгенштейна, представили детальную зарисовку той особой духовной атмосферы континентальной Европы, в которой рос и воспитывался будущий философ и которая оказала ошутимое влияние на его интеллектуальное развитие. Отталкиваясь от этого контекста обсуждения, можно признать очевидным и континентальные истоки философских воззрений Витгенштейна. Немецкий культуролог Освальд Шпенглер, автор «Заката Европы», также повлиял на философское мировоззрение Витгенштейна. Как и Шпенглер, Витгенштейн крайне враждебно относился к современной научно-технической цивилизации [12, 13]. В своих набросках к предисловию «Философских заметок» он открыто говорит об этом: «Дух этой цивилизации, проявляющий себя в индустрии, архитектуре, музыке, фашизме и социализме нашего времени, чужд и антипатичен автору. ... Я без симпатии взираю на поток европейской цивилизации, не понимая ее цели, если таковая имеется» [2, с. 417]. Данный аспект показывает, каким образом взаимосвязаны мнение Витгенштейна о том, что убеждения, суждения, мысли людей укоренены в безоговорочно принимаемые языковые игры с его представлением, что философские проблемы, вызывающие «ментальную судорогу», обусловлены неявными «сбоями» в функционировании языковых игр и, следовательно, в жизнедеятельности людей. В данном контексте Витгенштейн предстает перед нами как критик западной культуры. Он рассматривает деятельность философа как «критика культуры» в одном ряду с другими формами микритической деятельности. Такая интерпретация создает предпосылки для сближения философии позднего Витгенштейна с темами, мотивировавшими появление движения постмодернизма в западной культуре.

Американский философ Ричард Рорти в своей популярной книге «Философия как зеркало природы» называет Витгенштейна одним из трех наиболее значимых философов двадцатого века наряду с Дьюи и Хайдеггером, которые стремятся напомнить нам, что «исследование оснований знания, или морали, или языка, или общества может быть просто апологетикой, попыткой увековечения некоторой конкретной во времени языковой игры, социальной практики или самоимиджа» [10, с. 7]. В этой работе Рорти прибегает к витгенштейновским «доводам» для доказательства того, что философская традиция Декарта — Локка — Канта исчерпала себя, поэтому любые разговоры об основах знания являются бессмысленными. Предложенная Рорти «постмодернистская» трактовка позднего Витгенштейна положила начало новому этапу освоения наследия австрийского мыслителя в аналитической философии.

Весомый вклад в разработку альтернативного «прочтения» трудов Витгенштейна внес французский философ Ж.-Ф. Лиотар. В работе «Состояние

постмодерна» Лиотар не ставит перед собой задачу — дать «каноническое» истолкование философии Витгенштейна. Он довольно свободно и изобретательно обходится с темами и аргументами витгенштейновской философии, следуя намеченной им логике мышления.

В работе «Состояние постмодерна» Лиотар касается в основном понятий «образование» и «знание»: его рабочая гипотеза состоит в том, что «по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры — в эпоху постмодерна, изменяется статус знания» [6, с. 14]. Центральная проблема, которую решает Лиотар, — это легитимация знания и образования в результате кризиса метанарративов.

Лиотар утверждает, что великие легитимирующие мифы или метарассказы «распыляются в облака языковых частиц, каждая из которых несет в себе прагматическую валентность *suigeneris*» [там же, с. 10—11]. В своих размышлениях он опирается на метод «языковых игр» Витгенштейна. Он берет за основу своих рассуждений ряд ключевых тем витгенштейновской философии, причем понимание Лиотаром текстов австрийского мыслителя можно признать скорее новаторским, а не экзегетическим в историко-философском смысле. Лиотар заостряет мысль о плюрализме языковых игр, которую направляет против концепции Универсального разума. По словам Лиотара, каждый из различных типов сообщений — денотативный, прескриптивный, оценочный, перформативный и др. — представляет собой языковую игру со своим сводом правил, обуславливающих их свойства и применение. Правила несводимы друг к другу, а потому разные языковые игры являются несоизмеримыми. Правила «не содержат в себе свою легитимацию». Но если Витгенштейн мог бы сказать, что правила созданы на основе жизненно-практической деятельности («формы жизни») людей, то Лиотар настаивает на том, что правила формируются на основе соглашения между игроками, явного или неявного [там же, с. 32]. Он также добавляет: «Если нет правил, то нет и игры; даже небольшое изменение правила меняет природу игры, а «прием» или высказывание, не удовлетворяющее правилам, не принадлежит определяемой ими игре» [там же]. В этом и заключается «новшество» Лиотара: он рассматривает понятие «языковых игр» как форму борьбы и конфликта. Метод Лиотара опирается на следующий ключевой принцип: «Говорить значит бороться — в смысле играть, языковые игры показывают общее противоборство (агонистику)» [6, с. 33]. Сообщения не рассматриваются им ни как процесс передачи информации, ни как сеть знаков: они характеризуются как «речевая агонистика», когда «каждый языковой партнер, получая направленные на него «приемы», подвергается «перемещению», изменению самого разного рода» [там же, с. 48]. Происходит неустойчивый обмен сообщениями между участниками коммуникации. Предложенный Лиотаром *конфликтный* взгляд на язык можно признать «политическим» в широком значении этого слова, так как представленная им модель объясняет характер социальной связи. Согласно Лиотару, не существует универсального метаязыка. Реальность такова, что есть неопределенное количество языков («языковых игр»), или, как он одобрительно приводит аналогию Витгенштейна, «новые языки присоединяются к старым, образуя пригороды старинного города» [6, с. 98]. Упоминая примеры «языков» Витгенштейна («химическая символика», «обозначения для исчисления бесконечно малых»), Лиотар утверждает, что «спустя тридцать пять лет этот список может существенно пополниться, в него войдут машинные языки, матрицы теории игр,

новые музыкальные нотные обозначения...» [там же]. Пролиферация и расщепление языковых игр препятствуют их овладению. Данное обстоятельство позволяет Лиотару сделать вывод, что «спекулятивная или гуманистическая философия, со своей стороны, вынуждена аннулировать свои функции по легитимации» [6, с. 99].

«Постаналитические» тенденции в образовании: вызов Витгенштейна

Нет ничего удивительного в том, что аналитические философы образования представили соответствующую «аналитическую» версию истолкования трудов позднего Витгенштейна как одного из основоположников аналитической традиции. Однако такая интерпретация, несомненно, носит односторонний и ограниченный характер. Это обусловлено антиисторичностью аналитической философии, которая занята исключительно логико-семантическим анализом понятий и суждений и в целом безразлично относится к истории философии, в том числе к вопросу о детерминации ее собственных культурных оснований [8, с. 15]. Вместе с тем применение исторического подхода к постижению эпистемологических воззрений Витгенштейна способно пролить свет на истоки амбивалентности его философских размышлений. Так, если в «Логико-философском трактате» Витгенштейн обсуждает возможность и условия построения логически совершенного языка, то в «Философских исследованиях» он защищает контекстуальный способ определения значения языковых выражений. Это вовсе не значит, что в интеллектуальных поисках Витгенштейна отсутствует какая-то преемственность. В данном случае можно сослаться на его концепцию философии как «критики языка», которая обеспечивает внутреннюю связь ранних и поздних воззрений мыслителя. Также следует признать, что творческое освоение идей Витгенштейна с применением исторического подхода, легитимирующего «постмодернистскую» рецепцию его идей, создает предпосылки для развития так называемой «постаналитической» философии образования [15, р. 202].

Специфика философии образования «после» Витгенштейна, согласно Питерсу, состоит в ее четко выраженной направленности на критический анализ образования как одного из основных институтов современной культуры, испытывающего сильное влияние «технонауки» [15, р. 203]. Важнейшей задачей философии образования в наши дни становится поиск ответов на критический «вызов», который исходит от текстов позднего Витгенштейна. Этот вызов связан с выявлением и осмыслением трудноразрешимых аспектов образовательного процесса в эпоху «постмодерна», когда господствовавшие либеральный и марксистский метарассказы в основном исчерпали себя, когда границы между научной истиной и повествованием (вымыслом) размываются, а в самом образовании господствует «логика перформативности», нацеленная на нивелирование различий и применение эффективных процедур.

«Постаналитическая» философия образования в широком смысле начинает чутко реагировать на темы и мотивы «постмодернизма», она приобрела за последние два десятилетия вполне определенный облик, который выражается в следующих чертах: во-первых, она стремится интегрировать метод анализа с другими методами исследования. Многие аналитические философы признают важность витгенштейновского тезиса о необходимости определять значение

понятий в контексте их употребления и учитывать роль социального аспекта значения. Они соглашаются с тем, что значение слова встроено в социальную практику [7, с. 73]. Во-вторых, философия образования направила свое внимание на осмысление и переосмысление феномена модернизма, или «состояния модерна». Следуя установкам постмодерна в духе Ж.-Ф. Лиотара и М. Фуко, философия образования осуществляет этико-политическое вопрошание о природе современных институтов и их легитимации. В-третьих, она обратилась к критическому постижению социальных, культурных и психологических последствий процесса рационализации, который охватил все сферы общественной жизни; всесторонне исследуется и осмысливается роль образования в проведении технической и культурной модернизации. Философия образования обратилась к обсуждению расширенного контекста обучения и воспитания, который вбирает политические и экономические вопросы, а также к теориям, в которых образование рассматривается не только как всеобщее право на достижение личного благосостояния, но и как инструмент формирования «человеческого капитала», необходимого для повышения конкурентоспособности национального государства на глобальном уровне [11, с. 27]. Специалисты в области философии образования остро реагируют на ситуацию широкого распространения информационных (цифровых) технологий в мире: обсуждают их место и роль в модернизации общества, позитивные и негативные аспекты влияния интернет-ресурсов и социальных сетей на процесс формирования личности. В-четвертых, теоретики образования, опирающиеся на новое «прочтение» Витгенштейна, занялись переосмыслением «философии субъекта», подвергнув жесткой критике концепцию субъект-центрированного разума, лежащую в основании либерального проекта всеобщего школьного образования. Данное направление философских исследований изучает вопрос о том, в какой мере современная «образованный субъект» руководствуется в своем поведении ценностями европейского универсализма и рационализма, которые подкрепляются радикальными индивидуалистическими допущениями, унаследованными от великого «рассказа» эпохи Просвещения. Осознавая угрозу этноцентризма и критически подходя к феномену «инаковости», «постаналитическая» философия образования решает трудную задачу по разработке и представлению новых подходов, объясняющих процессы формирования субъективности и личностной идентичности.

В заключение следует подчеркнуть, что творческое освоение наследия Витгенштейна может стать отправной точкой для широкого обсуждения философами и педагогами подлинных и мнимых угроз, идущих от когнитивных установок постмодернистов в случае их воплощения в действующую систему образования. «Постмодернистская» версия истолкования Витгенштейна способна углубить и расширить наше понимание его идей; она показывает плодотворность историко-философского анализа текстов австрийского мыслителя в случае применения культурно-исторического подхода. Иное «прочтение» работ Витгенштейна стимулирует развитие современной философии образования и служит предпосылкой для формирования новых стратегий исследования в педагогической сфере с опорой на его идеи.

Библиографический список

1. *Витгенштейн Л.* Голубая книга / пер. с англ. В. П. Руднева. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 128 с.
2. *Витгенштейн Л.* Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. С. 407—492.
3. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ; Астрель, 2010. 177 с.
4. *Витгенштейн Л.* О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. С. 321—405.
5. *Витгенштейн Л.* Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ; Астрель, 2011. 347 с.
6. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
7. *Медведев Н. В.* Аналитическая философия образования: ретроспектива и перспектива // Философские традиции и современность. 2015. № 2. С. 68—76.
8. *Медведев Н. В.* Аналитическая философия и история философии: проблема методологического синтеза // Философские традиции и современность. 2016. № 2. С. 13—25.
9. Понимание иных культур: философско-методологический анализ: монография / Н. В. Медведев, Е. Е. Медведева, Е. Ю. Талалаева, Я. С. Чернова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. 276 с.
10. *Рорти Р.* Философия как зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1997. 320 с.
11. *Фурсова В. В.* Постмодернистские теории образования // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, № 5. С. 26—37.
12. *DeAngelis W. J.* Ludwig Wittgenstein – a cultural point of view: philosophy in the darkness of this time. Aldershot: Ashgate Publishing, 2007. 204 p.
13. *Dilman I. von.* Wright on Wittgenstein: Philosophy and Culture // Wittgenstein and philosophy of culture / Proceedings of the 18-th International Wittgenstein Symposium. K. S. Johannessen, T. Nordenstam (eds.) Vienna: Verlag HPT, 1996. P. 75—95.
14. *Janik A., Toulmin S.* Wittgenstein's Vienna. N. Y.: Simon & Schuster, 1973. 314 p.
15. *Peters M.* Philosophy and education “after” Wittgenstein // Smeyers P., Marshall J. D. Philosophy and Education: Accepting Wittgenstein's challenge. Dordrecht: Kluwer, 1995. P. 189—204.

References

- DeAngelis, W. J. (2007) *Ludwig Wittgenstein — a cultural point of view: philosophy in the darkness of this time*, Aldershot: Ashgate Publishing.
- Dilman, I. von. (1996) Wright on Wittgenstein: Philosophy and Culture, in Johannesen, K. S., Nordenstam, T. (eds.) *Wittgenstein and philosophy of culture*, Vienna: Verlag HPT, pp. 75—95.
- Fursova, V. V. (2010) Postmodernistskiye teorii obrazovaniya [Postmodern theory of education], *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Scientific notes of the Kazan University. Series: Humanities], vol. 152, no. 5, pp. 26—37.
- Janik, A., Toulmin, S. (1973) *Wittgenstein's Vienna*, N. Y.: Simon & Schuster.
- Lyotard, J.-F. (1998) *Sostoyaniye postmoderna* [Postmodern state]. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteyya.
- Medvedev, N. V. (2015) Analiticheskaya filosofiya obrazovaniya: retrospektiva i perspektiva [Analytical philosophy of education: retrospective and perspective], *Filosofskiy traditsii i sovremennost'* [Philosophical traditions and modernity], no. 2, pp. 68—76.

Medvedev, N. V. (2016) Analiticheskaya filosofiya i istoriya filosofii: problema metodologicheskogo sinteza [Analytical philosophy and history of philosophy: the problem of methodological synthesis], *Filosofskiye traditsii i sovremennost'* [Philosophical traditions and modernity], no. 2, pp. 13—25.

Medvedev, N. V., Medvedeva, E. E., Talalaeva, E. Yu., Chernov, Ya. S. (eds.) (2019) *Ponimaniye inykh kul'tur: filosofsko-metodologicheskiiy analiz* [Understanding other cultures: philosophical and methodological analysis], Tambov: Derzhavinsky Publishing House.

Peters, M. (1995) Philosophy and education «after» Wittgenstein, in Smeyers, P., Marshall, J. D. *Philosophy and Education: Accepting Wittgenstein's challenge*, Dordrecht: Kluwer, pp. 189—204.

Rorty, R. (1997) *Filosofiya kak zerkalo prirody* [Philosophy as a mirror of nature], Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta.

Wittgenstein, L. (2010) *Logiko-filosofskiy traktat* [Logical and philosophical treatise], Moscow: AST; Astrel.

Wittgenstein, L. (1994) Kul'tura i tsennost' [Culture and value], in Wittgenstein, L. *Filosofskiye raboty* [Philosophical works], part I. pp. 407—492.

Wittgenstein, L. (1994) O dostovernosti [About reliability], in Wittgenstein, L. *Filosofskiye raboty* [Philosophical works], part I. pp. 321—405.

Wittgenstein, L. (1999) *Golubaya kniga* [Blue Book], Moscow: Dom intellektual'noy knigi.

Wittgenstein, L. (2011) *Filosofskiye issledovaniya* [Philosophical research], Moscow: AST; Astrel.

Статья поступила в редакцию 1.10.2020 г.

Сведения об авторе

Медведев Николай Владимирович — доктор философских наук, профессор, «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия, mnv88@mail.ru

Information about the author

Medvedev Nikolai Vladimirovich — Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, mnv88@mail.ru